

сказе о Федоре и Василии участвуют «извозники», нанятые монастырем, чтобы поднять «на гору» лес, сплавленный по Днепру для постройки монастырского храма и келий вместо сгоревших. Эти «извозники» на утро, придя работать, увидели, что все бревна уже перенесены, тогда испуганные тем, что они потеряют плату, за которую нанялись, извозники пошли к «неправедному судии» и обвинили в «кознях» инока, причем судье дали «мзду». Отношение народа к суду этим подчеркнута с особой силой, оправдывая эпитет судьи «неправедный» (стр. 118). И в этом эпизоде трудовые люди не обнаруживают почтения к монаху. Но монастырь как большое хозяйство привлекает народ в качестве работников: даже воров он заставляет в наказание работать на себя.

Отношение к общественно-полезному труду народа, которое прозвучало в словах отрока-возницы в житии Феодосия и которое, видимо, рано создало представление о монахе-бездельнике («по вся дньи празден еси»), в рассказах патерика выплывает еще в связи с вопросом о затворничестве, как особой форме монашеского подвижничества, избавлявшей инока от участия в общем труде. В рассказе о Никите Затворнике игумен прямо отказывает Никите в разрешении уйти «в затвор»: «несть ти пользы празду седети, понеже юн еси» (стр. 90); и «брату Лаврентию» «святити отци не повелеша» жить затворником, поэтому он ушел в другой монастырь (стр. 92).³² Словами о труде для людей Григорий увещевает воров, пойманных в его саду и обреченных им на неподвижность: «Понеже праздни пребывае весь живот свой, крадушаа труды, а сами не хотяше тружатися, ныне же стойте ту праздни прочаа лета до кончины живота своего» (стр. 97). Старец согласился отпустить воров лишь в том случае, если они обещают «от труда своего инех питати», и воры остаются работать в Печерском монастыре.

В рассказах Киево-Печерского патерика — памятника, прославляющего этот монастырь, обращает на себя внимание изображение монастырского быта, не скрывающее его отрицательных сторон. Мы видели, что даже за таким, казалось бы, высоким подвигом инока, как затворничество, раскрывается иногда тщеславие — стремление «славиму быти от человек», а то и просто желание уклониться от труда на общую пользу; в таких случаях затворник бывает наказан (что не мешает ему после покаяния стать «воплощением святости»). Но и в повседневном быту монастыря рассказчики разглядели немало того, что совсем не вяжется с иноческими обетами. Из целого ряда рассказов, например, видно, что «братия» заметно различала тех иноков, которые оплачивали услуги, от тех, у кого не осталось ничего «мира сего» (стр. 81). Не случайно в рассказ об Афанасии вставлен афоризм, обобщающий, видимо, житейский опыт автора: «Богатым бо всяк тщится послужити и в животе и при смерти, да наследити что» (стр. 82). Этот афоризм подтверждается сообщением о том, что никто не позаботился своевременно похоронить Афанасия, у которого не осталось имущества, чтобы оплатить труды. Любопытна бытовая деталь в этом рассказе. «Некто» ночью упрекнул игумена — «человек божий сей два дньи имать непогребен, ты же веселишися» (стр. 82) — по уставу игу-

³² Настороженное отношение к затворничеству существовало и на христианском Востоке. В русский перевод Пандект Никона Черногорца из греческого источника вставлен рассказ монаха Григория о том, как один из иноков монастыря в Палестине ушел в затвор в пещеру, несмотря на предостережения игумена, который считал его еще не готовым для такого уединения и советовал сначала послужить братии и научиться бороться с искушениями дьявола. Монах не послушался, и рассказ описывает, как пострадал он от козней демона, являвшегося ему под видом ангела. См. об этом в статье: Iwan Franko. Beitrage zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler. — Archiv für slavische Philologie, Bd. 29, 1907, стр. 286—291.